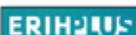

Маркова М. А. Семья помещичьих крестьян Санкт-Петербургской губернии середины XIX века (по данным исповедных росписей Царскосельского уезда) / М. А. Маркова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 386—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399.

Markova, M. A. (2020). A Family of Landowner Peasants in the St. Petersburg Province of the mid 19th Century (according to Confessional Murals of Tsarskoye Slo Uyezd). *Nauchnyi dialog*, 1: 386-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399. (In Russ.).

УДК 94(47)“18”+314.148:316.343.37(470.23)“185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399

СЕМЬЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (ПО ДАННЫМ ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА)¹

© **Маркова Мария Александровна (2020)**, orcid.org/0000-0003-2566-2951, SPIN 5318-5150, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), m.markova@spbu.ru.

В статье рассматривается сельская семья Санкт-Петербургской губернии середины XIX века. Исследуются особенности структуры, людность, число детей, положение вдов и вдовцов в дворохозяйствах помещичьих крестьян Царскосельского уезда по данным исповедной росписи 1855 года. Научная новизна работы заключается в том, что в ходе исследования привлекались архивные источники, впервые вводимые в научный оборот. Показано, что средний размер крестьянского дворохозяйства составил 6,5 человек, дворохозяйства с 1—2 детьми в возрасте от 0 до 14 лет составляли 61 % от общего числа, доля простых семей была равна 41 %, сложных семей — 44 %. Представлены результаты сравнительного анализа разницы в возрасте супругов, осуществленного по материалам I-й половины XVIII — середины XIX веков, выявлены изменения в брачном поведении крестьян, произошедшие за указанный период. Автор приходит к выводу о необходимости исследования крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии по материалам второй половины XIX века, что позволит проанализировать изменения в демографии сельского населения, которые произошли под воздействием реформ, а также расширит возможности изучения ситуации в данном регионе за несколько десятилетий до них.

Ключевые слова: историческая демография; крестьянская семья; исповедные росписи; население Санкт-Петербургской губернии.

1 Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий».

1. Введение

В настоящий момент среди специалистов в области социально-экономической истории активно обсуждается необходимость осуществления крупномасштабных проектов, охватывающих территорию России в целом. Потребность в подобных проектах в российской исторической демографии также была отмечена учеными [Владимиров и др., 2016]. Однако на современном этапе историко-демографических изысканий ощущается необходимость расширения не только географических рамок, но и хронологических границ исследований. С этой целью на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета продолжается изучение крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии. В ходе ряда проектов, поддержанных научными фондами, были получены данные о людности, структуре, детности крестьянской семьи в I-й половине XVIII — начале XIX веков. В данной статье рассмотрены основные характеристики семьи помещичьих крестьян Царскосельского уезда, представленные в виде, сопоставимом с результатами исследований за более ранний период, и основывающиеся на исповедных росписях 1855 года.

По исповедной росписи 1855 года были изучены семьи крепостных, принадлежащих двум крупным землевладельцам Санкт-Петербургской губернии — князьям Иллариону Илларионовичу Васильчикову и Льву Петровичу Витгенштейну. Исследовалось население деревень Большово, Еленково, Зайцево, Заозерье, Лампово, Остров, Тозырево и села Орлино, расположенных в 47—59-ти верстах от Царского Села, неподалеку от линии Петербургско-Варшавской железной дороги. Эти поселения относились к Орлинскому приходу Санкт-Петербургской епархии.

Возрастно-половая структура изучаемого населения близка к структуре традиционного общества (рис. 1). Так, среди жителей указанных деревень треть составляли дети моложе 15 лет, на долю лиц старшей возрастной группы (60 и более лет) приходилось 6 %. Средний возраст населения составлял 27,6 года.

Стоит сказать, что на сегодняшний день в отечественной историографии накоплен определенный опыт работы с первичными материалами церковного учета населения. В ряде исследований были изложены результаты источниковедческого анализа этих документов, дана оценка информационного потенциала исповедных росписей как исторического источника [Акользина и др., 2007; Маркова, 2008; Сарафанов, 2014].

История крестьянской семьи остается одним из важнейших направлений историко-демографических исследований. В последние десятилетия вопросы структуры семьи, межпоколенных связей, брачного поведения

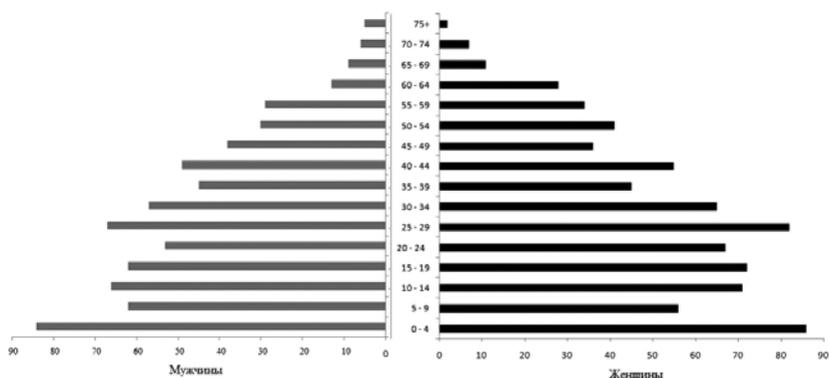

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида населения Орлинского прихода

сельского населения Российской империи, изучаемые на основе первичных документов церковного и ревизского учета, освещались в работах как отечественных [Авдеев и др., 2015; Маркова, 2013; Миронов, 2018; Федорец, 2013; Шустрова, 2013], так и зарубежных исследователей [Dennison, 2003; Polla, 2006].

2. Источники данных

Исповедные росписи Санкт-Петербургской губернии являются значительным комплексом документов, охватывающим более 1,5 тысяч единиц хранения, сосредоточенных главным образом в ряде фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Основной массив документов относится к 1730—1860 годам. Наилучшей сохранностью отличаются консисторские экземпляры.

Исповедные росписи содержат данные о возрасте, поле, семейном положении, родственных и иных связях жителей каждого дворохозяйства. Сравнительный анализ данных 1855 года с более ранними документами выявил некоторые изменения в точности регистрации.

Так, исповедные росписи Рождественского, Сиворицкого, Суйдинского и Орлинского приходов за 1811 год [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 588, лл. 187—228] не содержали данных о детях моложе 1 года, вероятно, возраст некоторых из них округлялся до года. В документах 1844 года перечисленных приходов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1114] также редко встречается точное указание возраста младенцев. В Рождественском и Суйдинском приходах возраст самых молодых прихожан обозначался равным 1 году, в документах Сиворицкого и Орлинского приходов встречаются сведения

о лицах, чей возраст составлял менее 1 года, однако такие записи немногочисленны (по Орлинскому приходу — 4 записи). В исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года дети, рожденные на протяжении 1855 года, вносились в документ с точным указанием даты рождения.

Увеличение процентных долей детей в возрасте от 0 до 1 года в общей численности прихожан, рассчитанных по документам 1811, 1844 и 1855 годов, указывает на улучшение регистрации данной категории к 1850-м годам (табл. 1).

Таблица 1

Процентная доля детей в возрасте 1 года и моложе в общей численности населения по исповедным росписям 1811, 1844 и 1855 годов

Год	Приходы	Общая численность населения	Процентная доля детей в возрасте 1 года и моложе в общей численности населения
1811	Орлинский, Рождественский, Сиворицкий	5441	2,5
1844	Рождественский, Сиворицкий, Суйдинский	5826	2,7
1855	Орлинский	1437	5

Данные о родственных или иных связях, объединяющих под одной крышей жителей двора, неполны. В некоторых случаях невозможно установить родство между членами дворохозяйства. Например, под номером 106 в исповедной росписи [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1311, л. 652об.] указан двор, находившийся в деревне Остров, жителями которого числятся 11 человек. Среди них: хозяин двора, его жена и дочь, вдова со своими взрослыми сыновьями и их женами, а также еще одна вдова с годовалой дочерью. Источник не содержит каких-либо указаний на родство хозяина двора и вдов, возможно, одна из них являлась женой умершего брата хозяина двора, тогда она приходилась невесткой хозяину, а ее сыновья являлись его племянниками. Возможно, что и вторая вдова находилась в родственных связях с хозяином двора, скорее всего, она была женой его умершего племянника. Однако в источнике указанные женщины обозначены просто как «вдовы» без каких-либо уточнений, поэтому установить их родственные связи с хозяином двора невозможно. Подобные записи составили 20 % от общего числа дворохозяйств. Несмотря на указанные особенности, исповедные росписи остаются одним из важнейших источников по истории крестьянской семьи XVIII — XX веков.

3. Методы

По исповедной росписи 1855 года была создана база данных, имевшая следующие графы: порядковый номер двора, порядковый номер человека, социальный статус человека или родственная связь с членами дворохозяйства, порядковый номер родственника, с которым указана связь для данного лица, название населенного пункта, имя помещика, возраст, примечания.

В ходе исследования использовался выборочный метод. Семья помещичьих крестьян Царкосельского уезда была изучена на основании 10 %-й выборки, полученной по данным исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года [ЦГИА СПб, оп. 112, д. 1311, лл. 644—663]. Оценка выборки осуществлялась с помощью работы А. Г. Тройницкого, посвященной крепостному населению России по X ревизии [Тройницкий, 1861]. По данным Тройницкого, в 1859 году в Царкосельском уезде проживали 7079 крепостных крестьян и 7492 крепостные крестьянки. Общая численность крепостных составляла 14 571. Выборка, созданная по данным исповедной росписи православного Орлинского прихода за 1855 год, охватывала сведения о 1437 людях, проживавших в 221 дворе.

4. Людность крестьянских дворохозяйств

Средний размер дворохозяйства в 1855 году, рассчитанный для населения Орлинского прихода, составил 6,5 человек, наименьшее число жителей одного двора было равно 3, наибольшее — 14. Данный показатель оказался чрезвычайно стабильным, по документам 1844 года средний размер дворохозяйства также составил 6,5 человек, максимальное и минимальное значения людности совпали с числами 1855 года.

При этом распределение дворохозяйств по числу жителей, согласно документам 1844 года, несколько отличается от ситуации 1855 года (табл. 2). Так, в 1855 году дворохозяйства, имевшие в своем составе от 3 до 5 человек, составляли 36,2 %, в 1844 году на их долю пришлось 40 %. В 1855 году более половины (52,5 %) приходилось на дворохозяйства, состоящие из 6—9 человек, в 1844 году их доля составляла 45,6 %. Доля дворохозяйств, объединяющих 10 и более человек, была равна 11,3 % в 1855 году и 13,3 % в 1844 году.

Следует отметить, что средний размер дворохозяйства, рассчитанный по исповедной росписи 1855 года для сельского населения Санкт-Петербургской губернии, практически совпал с показателем, полученным на основании материалов X ревизии по сельскому населению Московской губернии [Авдеев и др., 2015, с. 80].

Таблица 2

Людность крестьянских дворохозяйств по исповедной росписи 1855 года

Число людей в дворохозяйстве (чел.)	Абсолютное число дворохозяйств		Процент от общего числа дворохозяйств		Число людей в дворохозяйстве (чел.)	Абсолютное число дворохозяйств		Процент от общего числа дворохозяйств	
	Год		Год			Год		Год	
	1844	1855	1844	1855		1844	1855	1844	1855
3	13	15	5,9	6,6	9	11	18	5,0	8,0
4	31	25	14,0	11,1	10	13	15	5,9	6,6
5	36	53	16,3	23,4	11	6	6	2,7	2,7
6	45	40	20,4	17,7	12	3	6	1,4	2,7
7	27	24	12,2	10,6	13	2	1	0,9	0,4
8	33	21	14,9	9,3	14	1	2	0,4	0,9
Общее число дворохозяйств: 1844 г. — 226 (100 %), 1855 г. — 221 (100 %)									

5. Число детей в семьях помещичьих крестьян

Важной характеристикой крестьянской семьи является показатель детности, он рассчитывался с учетом всех детей моложе 15 лет, проживавших в крестьянских дворохозяйствах (рис. 2). В источнике за 1855 год содержатся данные о 183 дворах, в которых проживало 424 ребенка. В большинстве семей число детей было невелико, хозяйства с 1—2 детьми составляли 61 %. Треть (35 %) семей воспитывали 3—4 детей. На дворохозяйства, имеющие в своем составе 5 и более детей, приходилось 5 %.

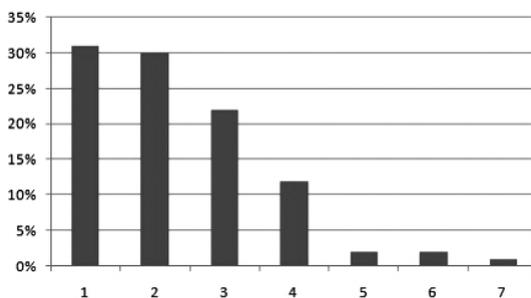

Рис. 2. Распределение дворохозяйств по числу детей в возрасте от 0 до 14 лет, %

Наибольшее число детей, зафиксированное в источнике, равно 7. Семью детей воспитывались в крестьянской семье, объединяющей трех

братьев. Старшему брату было 46 лет, среднему — 39, а младшему — 35. Младший из братьев был бездетным вдовцом. Старший брат имел двух взрослых сыновей 16 и 23 лет, а также двух сыновей и дочь в возрасте от 4 до 14 лет. Средний брат являлся отцом троих сыновей в возрасте от 3 до 12 лет и дочери, появившейся на свет в 1855 году.

Интересно отметить, что распределение крестьянских дворохозяйств по числу детей, полученное по исповедной росписи Орлинского прихода за 1811 год, оказалось иным. По данным этого года, детность была выше, практически равные доли (31—35 %) приходились на семьи, в которых воспитывалось 1—2 ребенка, 3—4 ребенка, а также от 5 до 10 детей. Такие семьи составляли 97 % от общего числа дворохозяйств.

Среди факторов, определивших подобные изменения, можно предположить как сокращение рождаемости, так и временное повышение детской смертности.

Работа с метрическими книгами Орлинского прихода 1840—1850-х годов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 588; оп. 124, д. 428, 429; оп. 125, д. 594, 596, 598], показала, что десятилетие, предшествовавшее 1855 году, было очень тяжелым. На этот период приходилось 7 холерных лет (1848, 1849, 1850, 1852—1855), вспышки кори (1853) и оспы (1849 и 1850). На кризис указывает и рост среднегодовых показателей смертности, рассчитанных для 1841—1845 и 1846—1855 годов. В относительно благополучное время, приходившееся на первую половину 1840-х годов, в 8 изученных населенных пунктах в среднем в год умирало 48 человек, для последующих десяти лет среднегодовое число смертей увеличилось до 64.

Холера как один из важнейших неблагоприятных факторов болезней взрослого населения могла оказать временное влияние на уровень рождаемости в приходе. Эпидемии, повышавшие заболеваемость и смертность среди взрослого населения, влияли на уровень ухода за детьми, что приводило к вспышкам детских инфекционных заболеваний (корь, оспа, скарлатина) и росту детской смертности. Последствия неблагоприятного с точки зрения эпидемической обстановки десятилетия, вероятно, отчасти определили изменения в детности крестьянских дворохозяйств.

Стоит сказать, что сокращение доли дворохозяйств, имеющих в своем составе 5 и более детей, прослеживается уже по документам 1840-х годов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1114]. Так, агрегированные данные исповедных росписей 1844 года соседних Рождественского, Сиворицкого и Суйдинского приходов дают нам следующее распределение: семьи с 1—2 детьми — 52,6 %, семьи с 3—4 детьми — 29,4 %, дворохозяйства с 5 и более детьми — 18, %.

Исповедная роспись Орлинского прихода за 1844 год по изучаемым 8 населенным пунктам содержит сведения о 187 дворах, в которых проживали дети от 0 до 14 лет, по числу детей эти дворохозяйства распределились следующим образом: 1—2 ребенка — 63 % дворов, 3—4 ребенка — 28 % дворов, 5 и более детей — 9 % дворов.

Таким образом, можно предположить, что отмеченные изменения являлись не только следствием кризисных холерных лет, но имели в своей основе и более глубокие причины. С уверенностью можно утверждать, что неблагоприятная эпидемическая обстановка 1840—1850-х годов ускорила изменения.

6. Структура дворохозяйств

В большинстве случаев жителями двора являлись близкие родственники, однако в 44 случаях (20 % от общего числа) под одной крышей проживали люди, чьи родственные связи установить не удалось. Зачастую с семьей, состоящей из родителей и малолетних детей, могла проживать крестьянская вдова со своими детьми. Иногда две вдовы с детьми вели совместное хозяйство. Возможно, это были дальние родственники, однако источник не содержал каких-либо указаний на их родство. Такие дворохозяйства не учитывались при распределении крестьянских семей по составу.

При изучении структуры дворохозяйств помещичьих крестьян Орлинского прихода использовалась типология П. Ласлетта [Ласлетт, 1979]. Доли сложных и простых дворохозяйств совпали, они составили 44 % и 41 % соответственно. На расширенные дворохозяйства пришлось 13 %, дворохозяйства без семейной структуры составили 2 %. Источник не содержит сведений о дворохозяйствах одиночек.

7. Возраст супругов

В рассмотренную выборку за 1855 год вошли 298 супружеских пар. Возраст самой молодой супруги составлял 17 лет, минимальный возраст, указанный в источнике для женатого мужчины, был равен 19 годам. Среди лиц старшей возрастной группы самой пожилой супруге исполнился 71 год, максимальный возраст женатого мужчины составил 78 лет.

Был рассчитан средний возраст женатых мужчин и средний возраст замужних женщин, полученные данные были сопоставлены с показателями 1811 года. Доверительные интервалы, рассчитанные для мужчин, совпали, поэтому оказалось возможным корректно проанализировать данные только по женскому населению (таблица 3). Исповедные росписи 1811 и 1855 годов указывают на повышение среднего возраста замужних женщин, вызванное сокращением числа ранних браков.

Таблица 3

**Средний возраст женатых мужчин и замужних женщин
по документам 1811 и 1855 годов**

1811 год		1855 год	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Среднее — 39,01 Стандартная ошибка — 0,65	Среднее — 35,8 Стандартная ошибка — 0,57	Среднее — 40,02 Стандартная ошибка — 0,69	Среднее — 38,4 Стандартная ошибка — 0,69

Была проанализирована разница в возрасте супругов (табл. 4), возраст жены вычитался из возраста мужа. Следует отметить, что сравнительный анализ данного показателя с результатами, полученными по документам 1740 года [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 33] и 1811 года, выявил изменения, произошедшие в брачном поведении крестьян. Так, практически вдвое сократилось число союзов, в которых муж был на 6 и более лет старше жены, резкое сокращение показателя приходится на период с 1811 по 1855 годы, при этом в данный период существенно увеличилась доля супружеских пар, в которых жена была старше мужа на 1—5 лет. Вероятно, экономические выгоды вытесняли постепенно представления о традиционной крестьянской семье, в которой авторитет главы поддерживался в числе прочего превосходством по возрасту.

Таблица 4

**Разница в возрасте супругов в крестьянских семьях
по документам 1740, 1811 и 1855 годов**

Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1740 года							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	13,4	17,0	48,3	8,8	9,9	1,8	0,8	100
Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1811 года							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	8,2	15,1	48,0	14,3	11,4	3,0	0	100
Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1855 г.							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	3,4	8,7	46,3	12,4	27,2	1,3	0,7	100

8. Вдовы и вдовцы в составе дворохозяйств помещичьих крестьян

Изучалось вдовое население Орлинского прихода. В 1855 году число вдовцов оказалось невелико, 31 мужчина в возрасте от 35 до 80 лет входил в данную группу, они составили 7 % от взрослого мужского населения. Большинство вдовых мужчин проживали совместно со своими детьми, только в двух случаях вдовцы проживали с неродственниками. Треть от общего числа вдовцов составляли лица 70 лет и старше.

Доля вдов среди взрослого женского населения составила 14 %. Такое семейное положение имели 75 женщин в возрасте от 31 до 75 лет. Треть от общего числа вдов составляли женщины моложе 50 лет. Вдовы чаще вдовцов проживали не в собственном доме, а в дворохозяйствах посторонних лиц. В 29 случаях вдовы в одиночку или совместно со своими детьми жили в домах, принадлежащих другим крестьянам. 9 женщин входили в состав расширенных дворохозяйств, разделяя кров со своим взрослым сыном, его женой и детьми. В 25 случаях вдовы проживали в составе сложных семей, объединяющих нескольких взрослых братьев с их семьями. В 12 случаях вдовы являлись главами простых неполных семей.

Важно отметить, что рассчитанные по исповедной росписи 1844 года доли вдов и вдовцов оказались близки к показателям 1855 года. Они были равны 12,7 % (вдовы) и 6,2 % (вдовцы). Не выявлено существенных расхождений между источниками и в возрастной структуре вдового населения. Таким образом, можно полагать, что исповедные росписи содержат достоверные сведения о данной группе. Значительное расхождение в численности вдов и вдовцов объясняется большим распространением повторных браков у мужчин. Это подтверждается данными метрических книг.

В метрических книгах Орлинского прихода за 1854—1855 годы [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 125, д. 187, 599] зафиксировано 40 браков, подавляющее большинство (33 брака) относится к союзам первобрачных, в 1 случае брак был заключен между вдовой и вдовцом, в 1 случае — между холостым и вдовой, в 5 случаях брак заключался между вдовцом и девицей.

9. Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что средний размер дворохозяйства помещичьих крестьян Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии, полученный по данным 10 %-й выборки, составил 6,5 человек, он близок к показателю, полученному для сельского населения Московской губернии.

Статистический анализ данных исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года выявил близкие по значению процентные доли простых и

сложных семей среди крестьянских дворохозяев. Такие семьи преобладали, составляя соответственно 41 % и 44 % от общего числа. Большинство крестьянских дворохозяев имели в своем составе 1—2 детей в возрасте от 0 до 14 лет. Показатели детности, рассчитанные по исповедной росписи 1811 года, имели существенные отличия. Сравнительный анализ распределения крестьянских дворохозяев по числу детей позволяет говорить о существенном сокращении доли дворов, в которых проживало большое число детей (5—10 человек), вероятно, подобные изменения были вызваны неблагоприятной эпидемической ситуацией, сложившейся в Орлинском приходе в 1846—1855 годах.

Анализ возраста супругов выявил постепенное сокращение доли союзов, в которых муж был значительно старше жены. Среди взрослого мужского населения доля вдовцов была существенно меньше доли вдов, рассчитанной для взрослого женского населения, что свидетельствует о большем распространении повторных браков у мужчин.

Исследование крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии должно быть продолжено, привлечение документов второй половины XIX века не только позволит изучить изменения в демографическом поведении сельского населения, произошедшие в результате масштабных реформ середины столетия, но также расширит возможности анализа процессов, протекавших в данном регионе несколькими десятилетиями ранее.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 112. Д. 1311. Лл. 644—663 ; Д. 588. Лл. 187—228 ; Д. 1114 ; Оп. 111. Д. 588 ; Оп. 124. Д. 428, 429 ; Оп. 125. Д. 187, 594, 596, 598, 599.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев А. А.* Сословные различия в структурах домохозяев в XIX в. : Москва и ее окрестности / А. А. Авдеев, Г. Н. Ульянова, И. А. Троицкая // Демографическое обозрение. — 2015. — № 2. — С. 74—91.

2. *Акользина М. К.* Исповедные ведомости городских и сельских церквей как источник по социальной истории Тамбовской губернии первой половины XIX в. / М. К. Акользина, Э. А. Морозова // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник : сборник научных трудов. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета. — 2007. — С. 121—126.

3. *Владимиров В. Н.* «Новая историческая демография» в России : эволюция или скачок в развитии? / В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов, А. С. Щетинина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18. — № 3 (154). — С. 29—53.

4. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // *Брачность, рождаемость, семья за три века.* — Москва : Статистика. — 1979. — С. 132—157.
5. *Маркова М. А.* Исповедные росписи 1730-х гг. как источник по профессиональному составу населения Санкт-Петербурга / М. А. Маркова // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер.* — 2008. — № 35. — С. 109—111.
6. *Маркова М. А.* Брачное поведение сельского населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизского и церковно-приходского учета) / М. А. Маркова // *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании.* — 2018. — № 2. — С. 80—85.
7. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. — 2018. — Т. 1. — 896 с.
8. *Сарафанов Д. Е.* Динамика численности духовного сословия Барнаула в XIX в. (по данным церковного и административного учетов населения) / Д. Е. Сарафанов // *Известия Алтайского государственного университета.* — 2014. — № 4—2 (84). — С. 190—193.
9. *Тройницкий А. Г.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи / А. Г. Тройницкий. — Санкт-Петербург : Карла Вульфа. — 1861. — С. 37.
10. *Федорец А. И.* Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) / А. И. Федорец // *Вестник Московского университета. Серия 8 : История.* — 2013. — № 1. — С. 64—73.
11. *Шустрова И. Ю.* Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX — начала XX в. : источники и методы изучения / И. Ю. Шустрова. — Ярославль : Издательство Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. — 2013. — 216 с.
12. *Dennison T.* Serfdom and household structure in Central Russia : Voshchaznikovo, 1816—1858 / T. Dennison // *Continuity and Change.* — 2003. — Vol. 18, Iss.3. — Pp. 395—429.
13. *Polla M.* Family systems in Central Russia in the 1830s and 1890s / M. Polla // *History of the Family.* — 2006. — № 11. — Pp. 27—44.

A FAMILY OF LANDOWNER PEASANTS IN THE ST. PETERSBURG PROVINCE OF THE MID 19TH CENTURY (ACCORDING TO CONFESSIONAL MURALS OF TSARSKOYE SELO UYEZD)¹

© **Maria A. Markova (2020)**, orcid.org/0000-0003-2566-2951, SPIN 5318-5150, PhD in History, associate professor, Department of Source Studies of the History of Russia, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), m.markova@spbu.ru.

1 The study was carried out under the The Russian Foundation for Basic Research grant No. 19-09-00365 “Comparative analysis of the economic and social consequences of the reform of February 19, 1861 in the capital provinces of the Russian Empire. Experience in the application of statistical methods and modern computer technology».

The rural family of the St. Petersburg province of the mid-19th century is discussed in the article. The structural features, number of people, number of children, the position of widows and widowers in the households of the landowners' peasants of Tsarskoye Selo Uyezd according to the confession list of 1855 are examined. The scientific novelty of the work is that in the course of the study archival sources, first introduced into scientific circulation, were brought in. It is shown that the average size of the peasant household was 6.5 people, household with 1—2 children aged 0 to 14 years accounted for 61 % of the total number, the share of simple families was 41 %, complex families — 44 %. The results of a comparative analysis of the difference in the age of the spouses, carried out according to the materials of the 1st half of the 18th - the middle of the 19th centuries, are presented, the changes in the mating behavior of the peasants that have occurred over this period are revealed. The author concludes that it is necessary to study the peasant family of the St. Petersburg province based on materials from the second half of the 19th century, which will allow us to analyze the changes in the demographics of the rural population that have occurred under the influence of reforms, and will also expand the possibilities of studying the situation in this region several decades before them.

Key words: historical demography; peasant family; confessional murals; the population of St. Petersburg province.

MATERIAL RESOURCES

TsGIA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga*. F. 19 (Petrogradskaya dukhovnaya konsistoriya). Op. 112. D. 1311. Ll. 644—663; D. 588. Ll. 187—228; D. 1114; Op. 111. D. 588; Op. 124. D. 428, 429; Op. 125. D. 187, 594, 596, 598, 599. (In Russ.).

REFERENCES

- Akolzina, M. K., Morozova, E. A. (2007). Ispovednyye vedomosti gorodskikh i selskikh tserkvey kak istochnik po sotsialnoy istorii Tambovskoy gubernii pervoy poloviny XIX v. In: *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskiy istochnik: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 121—126. (In Russ.).
- Avdeyev, A. A., Ulyanova, G. N., Troitskaya, I. A. (2015). Soslovnnyye razlichiya v strukturalnykh domokhozyaystv v XIX v.: Moskva i yeyo okrestnosti. *Demograficheskoye obozreniye*, 2: 74—91. (In Russ.).
- Dennison, T. (2003). Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchaznikovo, 1816—1858. *Continuity and Change*, 18 (3): 395—429.
- Fedorets, A. I. (2013). Problema informatsionnoy tsnosti ispovednykh vedomostey kak istoricheskogo istochnika (na primere moskovskikh materialov XVIII v.). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 1: 64—73. (In Russ.).
- Laslett, P. (1979). Semya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod. In: *Brachnost', rozhdayemost', semya za tri veka*. Moskva: Statistika. 132—157. (In Russ.).
- Markova, M. A. (2008). Ispovednyye respisi 1730-kh gg. kak istochnik po professionalnomu sostavu naseleniya Sankt-Peterburga. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i kompyuter*, 35: 109—111. (In Russ.).
- Markova, M. A. (2018). Brachnoye povedeniye selskogo naseleniya Sankt-Peterburgskoy gubernii v XVIII — pervoy polovine XIX v. (po materialam revizskogo i tserkovno-prikhodskogo ucheta). *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye*

- tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*, 2: 80—85. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2018). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu, 1*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Polla, M. (2006). Family systems in Central Russia in the 1830s and 1890s. *History of the Family*, 11: 27—44.
- Sarafanov, D. E. (2014). Dinamika chislennosti dukhovnogo sosloviya Barnaula v XIX v. (po dannym tserkovnogo i administrativnogo uchetrov naseleniya). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4—2 (84): 190—193. (In Russ.).
- Shustrova, I. Yu. (2013). *Russkaya krestyanskaya semya Verkhnevolzhya XIX — nachala XX v.: istochniki i metody izucheniya*. Yaroslavl: Izdatelstvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. (In Russ.).
- Troynitskiy, A. G. (1861). *Krepostnoye naseleniye v Rossii po 10-y narodnoy perepisi*. Sankt-Peterburg: Karla Vulfa. (In Russ.).
- Vladimirov, V. N., Sarafanov, D. E., Shchetinina, A. S. (2016). «Novaya istoricheskaya demografiya» v Rossii: evolyutsiya ili skachok v razvitii? *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, 18 / 3 (154): 29—53. (In Russ.).